МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ

ТЕНДЕНЦИИ И ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

№ 11(94) Июль 2019 г.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВЫВОДЫ 3

1. НАЛОГОВЫЙ МАНЕВР В НЕФТЯНОЙ ОТРАСЛИ: РИСКИ «РУЧНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ»
А.Каукин, Е.Миллер 5

2. ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ В ЯНВАРЕ-АПРЕЛЕ: ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ РОСТ НЕТОПЛИВНОГО ЭКСПОРТА
А.Кнобель, А.Фиранчук 10

3. ИТОГИ САММИТА «БОЛЬШОЙ ДВАДЦАТКИ»: СМЯГЧЕНИЕ РИСКОВ
М.Ларионова 15

4. РАЗВИТИЕ АГРОКООПЕРАЦИИ: ШАБЛОН ВЕДЕТ К ОШИБКАМ
М.Антонова, А.Потапова 20

АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА 25

Мониторинг подготовлен коллективом экспертов Института экономической политики имени Е. Т. Гайдара (Института Гайдара), Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Минэкономразвития России.

Редколлегия: Дробышевский С. М., Кадочников П. А., Мау В. А., Синельников-Мурылев С. Г.

Редактор: Гуревич В. С.

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ имени Е. Т. ГАЙДАРА

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

11(94) 2019

Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2019. № 11 (94). Июль / Антонова М., Каукин А., Кнобель А., Ларионова М., Миллер Е., Потапова А., Фиранчук А. Под ред. Гуревича В.С., Дробышевского С.М., Кадочникова П.А., Мау В.А., Синельникова-Мурылева С.Г.; Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 25 с. URL: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2019_11-94_July.pdf

При частичном или полном использовании материалов ссылка на источник обязательна.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВЫВОДЫ

Рисков нового всплеска инфляции не видно, Минфин России легко занимает на рынке на комфортных условиях, санкции против РФ не ужесточаются, а Банк России, вероятно, опять понизит ключевую ставку, однако желаемая экономическая динамика либо просто инвестиционная активность в существующих политико-хозяйственных координатах пока не находят себе места.

Очевидным риском в такой ситуации является желание масштабно простимулировать рост в наиболее понятных и освоенных его формах, а именно в форме крупных и крупнейших проектов (строек). Поэтому логично, что резко возрастает вероятность появления и одобрения того, что вряд ли могло бы появиться (и, тем более, получить одобрение) в иной обстановке. Допустим, триллион, запрошенный и частично одобренный на логистическую схему по наращиванию экспорта угля, которую в условиях полной непредсказуемости конъюнктуры, очевидного сужения рынков и крайне высокой ценовой волатильности, должно так или иначе профинансировать государство. Между тем риски сырьевой конъюнктуры вновь были продемонстрированы совсем недавно, когда цены на газ упали более чем вдвое, и только низкие текущие издержки «Газпрома» позволят ему работать в небольшой «плюс», пусть и с перспективой падения экспортных доходов. Таких низких цен никто за последнее десятилетие не наблюдал, их никто и не предсказывал.

При этом на газовом рынке отсутствует такой международный механизм согласования, который не без усилий России возник на нефтяном. Состоявшаяся пролонгация еще на девять месяцев соглашения ОПЕК+ хотя и не стимулировала рост котировок, однако соглашение все же остается фактором относительной стабильности. Этого качества, однако, не хватает внутрироссийскому топливному рынку. Истекшее к началу июля соглашение о заморозке цен на бензин и дизтопливо теперь заменяет обещание производителей укладываться в границы инфляции, но доверие и этим обещаниям и действующему на рынке механизму регулирования находится, мягко говоря, не на самом высоком уровне.

Наши авторы критически оценивают демпфирующий механизм, призванный обеспечивать умеренную ценовую динамику, тем более что его параметры окончательно не определены. В этом они видят риск укоренения практики «ручного регулирования» топливного рынка и заморозки цен. Остается несогласованным и источник финансирования этого механизма. Эксперты Института Гайдара проанализировали эффект от внедрения обсуждаемых вариантов финансирования и пришли к выводу, что в наибольшей степени пострадавшими в любом случае оказываются независимые НПЗ. При этом возможное использование средств ФНБ вызывает у них серьезные сомнения.

В качестве альтернативы предлагается конфигурация налогового маневра, разработанная исследователями Института Гайдара. По их мнению,

она позволяет достичь большего бюджетного эффекта, снизить затраты на субсидирование нефтепереработки, уменьшить рост розничных цен и при этом избежать «ручного регулирования» топливного рынка.

Эксперты, анализирующие динамику внешней торговли России за январь-апрель 2019 г., констатируют, что и экспорт, и импорт остаются практически на том же уровне, на каком они были и в соответствующий период прошлого года. При этом доля экспорта топлива составила 65,5% от стоимости всех экспортных поставок. Что касается российского нетопливного экспорта, то после преодоления спада 2014–2016 гг. он вернулся к докризисному уровню 2013 г., однако дальнейшего увеличения не происходит. Из этого делается вывод, что рост в данном сегменте имел восстановительный характер.

Рассматривая итоги саммита «большой двадцатки» в Осаке, эксперты в целом положительно оценивают его результаты (включая и подписанные на нем документы). По их мнению, несмотря на геополитическую напряженность и торговые конфликты, риски могут быть «смягчены».

В числе исследований, проведенных специалистами РАНХиГС, – изучение перспектив развития сельскохозяйственной кооперации, включая создание в различных регионах России соответствующих центров компетенций. По их мнению, для получения необходимого эффекта следовало бы переориентировать работу таких центров на иные целевые группы сельхозпроизводителей, более адекватно учесть уже имеющийся потенциал сельхозкооперации, а также провести дополнительное обучение работников центров.

1. НАЛОГОВЫЙ МАНЕВР В НЕФТЯНОЙ ОТРАСЛИ: РИСКИ «РУЧНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ»

А.Каукин, Е.Миллер

Срок действия соглашения между ФАС, Минэнерго и нефтяными компаниями о заморозке цен на бензин и дизельное топливо истек 1 июля 2019 г. Предполагается, что в дальнейшем рост цен в пределах инфляции должен будет обеспечивать демпфирующий механизм, параметры которого до конца не определены. Затягивание с принятием решения по этому вопросу, тем более на фоне потенциального ухудшения макроэкономических условий, может создать риск укоренения практики «ручного регулирования» и заморозки цен[1].

Действовавшее до конца июня соглашение о заморозке цен на нефтепродукты не будет продлеваться. Правительство и участники рынка договорились об альтернативном механизме сдерживания цен: изменении параметров расчета демпфирующей надбавки к обратному акцизу, который получают нефтеперерабатывающие компании при соблюдении ряда условий (поставки бензина на внутренний рынок, нахождение под санкциями, программы модернизации). Демпфирующая надбавка, призванная обеспечить привлекательность поставок нефтепродуктов на внутренний рынок для нефтяных компаний и не допустить повышения цен на нефтепродукты (если экспортная цена становится выше определенного установленного законодательно значения, нефтекомпании получают выплаты из бюджета, и наоборот), была введена еще с 1 января 2019 г., однако параметры ее расчета, установленные в законодательстве, привели к тому, что дополнительные выплаты в течение некоторого времени пришлось делать нефтеперерабатывающим компаниям, а не государству.

Законопроект об изменении параметров в формуле расчета демпфирующей надбавки Госдума должна принять до конца весенней сессии (т.е. до 28 июля). Это дает время на согласование источников финансирования: Минфин предлагает поднять ставку НДПИ с 2020 г. и не выделять, как предлагалось в ходе обсуждения, дополнительных средств на субсидирование нефтепереработки из Фонда национального благосостояния (ФНБ), Минэнерго против субсидирования за счет нефтедобычи. Кроме того, рассматривается применение демпфера теперь и к керосину для субсидирования авиаперевозок.

Институтом Гайдара на примере экономики нескольких отечественных НПЗ было проанализированы эффекты от каждого из вариантов финансирования демпфера:

1. Финансирование осуществляется с помощью ФНБ;
2. Финансирование осуществляется за счет повышения ставки НДПИ в 2020 г.[2]. В этом случае:

1 Подробнее о негативных последствиях заморозки цен смотри Жемкова А., Идрисов Г., Каукин А., Миллер Е. Заморозка цен на нефтепродукты – остановка налогового маневра? / Экономическое развитие России. 2019. Т.26. №1. С. 31–35.

2 Повышение НДПИ эквивалентно увеличению демпфирующей надбавки.

а) вертикально-интегрированные нефтяные компании (ВИНК) перекладывают рост цен в нефтедобыче на весь рынок;
б) ВИНК перекладывают рост цен в нефтепереработке, только на независимые НПЗ.

Произведенные расчеты (см. Приложение к статье) показывают, что для независимых НПЗ риски критического снижения рентабельности достаточно высоки во всех сценариях (это хорошо иллюстрирует текущая ситуация с Антипинским НПЗ), что, в свою очередь, повышает вероятность роста концентрации отрасли. Однако при финансировании демпфирующей надбавки методом повышения ставки НДПИ положение независимых НПЗ становится особенно неблагоприятным за счет увеличения вертикально-интегрированными компаниями внутренних цен на нефть. В отличие от независимых НПЗ риски для входящих в состав ВИНК предприятий, даже при невысокой эффективности производства, не так высоки. Оба варианта финансирования демпфирующей надбавки по сути далеки от совершенства. В случае повышения НДПИ происходит субсидирование нефтепереработки за счет нефтедобычи, что в условиях доминирования вертикально-интегрированных компаний на рынке скажется (негативно) только на независимых НПЗ. А в случае использования средств ФНБ ВИНКи фактически получают обратно часть природной ренты, изъятой государством (как собственником ресурсов) в виде налогов. При этом сама возможность такого использования средств ФНБ слабо соотносится с целями Фонда.

Следует отметить, что в отсутствие окончательных параметров налогообложения нефтяной и нефтеперерабатывающей отраслей, закрепленных на законодательном уровне, оценка последствий реформирования должна рассматриваться как предварительная. Тем не менее продолжающаяся уже около года дискуссия и поиск решения, которое бы устроило все заинтересованные стороны, вызывает рост неопределенности для участников рынка и потенциально способно привести к режиму постоянного «ручного регулирования» и, как следствие, к недостижению первоначальных целей реформирования нефтяной отрасли – повышению эффективности отечественной нефтепереработки.

Альтернативой текущему плану реформирования налогообложения отрасли может служить конфигурация налогового маневра, предлагаемого экспертами Института Гайдара:

1. Налоговый маневр проводится в течение 6 лет с 2019–2024 гг.;
2. Экспортные пошлины на нефть и нефтепродукты отменяются единовременно в 2019 г.;
3. Одновременно с отменой экспортных пошлин на нефть и нефтепродукты повышается ставка НДПИ на величину эквивалентную снижению экспортной пошлины на нефть;
4. Для поддержания отрасли на среднем уровне до реформы вводится субсидия НПЗ. Субсидия выдается всем НПЗ пропорционально объемам входящей нефти. Размер суммарной субсидии линейно снижается до полной отмены в 2024 г.;
5. Ставки акцизов снижаются таким образом, чтобы розничные цены росли в пределах инфляции.

Данный вариант реформирования, по нашему мнению, позволит: достичь (см. *табл. 1–2*) большего суммарного итогового бюджетного эффекта за 6 лет, снизить затраты на субсидирование отечественной нефтепереработки, уменьшить рост цен на нефтепродукты на розничном рынке. Кроме

того, этот вариант предполагает отсутствие «ручного регулирования» рынка нефтедобычи и производства нефтепродуктов, что снижает неопределенность для инвесторов и предпринимателей, а небольшой рост внутренних цен на нефть и нефтепродукты способствует более бережному использованию ресурсов. Однако при реализации данного варианта снизятся поступления в дорожные фонды (за счет уменьшения акцизных платежей). В качестве альтернативы их пополнения возможно использовать межбюджетные трансферты и/или целевое финансирование.

Таблица 1

Итоговый эффект от налогового маневра по варианту Института Гайдара

Расчет по варианту Института		2019	2020	2021	2022	2023	2024
Экспортная пошлина на нефть и нефтепродукты	% ВВП	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Акциз на нефтепродукты	% ВВП	1,20	1,23	1,24	1,30	1,30	1,31
НДПИ на нефть	% ВВП	11,11	11,11	11,11	11,11	11,11	11,11
Прирост суммарных поступлений в бюджет	% ВВП	1,84	1,87	1,88	1,93	1,94	1,95
Суммарное субсидирование нефтепереработки, в том числе:	% ВВП	-1,02	-0,85	-0,67	-0,49	-0,32	-0,14
субсидия	% ВВП	-1,00	-0,80	-0,60	-0,40	-0,20	0,00
удержание цены за счет акциза	% ВВП	-0,02	-0,05	-0,07	-0,09	-0,12	-0,14
демпфирующая надбавка	% ВВП	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Итоговый эффект от налогового маневра	% ВВП	0,84	1,07	1,28	1,53	1,74	1,95
Розничная цена на бензин	руб. за литр	47,91	48,06	48,22	48,37	48,52	48,67

Источник: рассчитано авторами.

Таблица 2

Итоговый эффект от налогового маневра по текущему варианту законодательства

Расчет по текущему законодательству		2019	2020	2021	2022	2023	2024
Экспортная пошлина на нефть и нефтепродукты	% ВВП	2,07	1,66	1,24	0,83	0,42	0,00
Акциз на нефтепродукты	% ВВП	1,22	1,28	1,31	1,39	1,42	1,45
НДПИ на нефть	% ВВП	7,44	8,17	8,91	9,64	10,38	11,11
Прирост суммарных поступлений в бюджет	% ВВП	0,49	1,10	1,69	2,32	2,90	3,49
Суммарное субсидирование нефтепереработки, в том числе:	% ВВП	-0,33	-0,48	-0,63	-0,88	-1,12	-1,36
обратный акциз	% ВВП	-0,21	-0,42	-0,62	-0,83	-1,04	-1,25
демпфирующая надбавка (бензин)	% ВВП	0,06	0,01	0,04	0,01	-0,01	-0,04
демпфирующая надбавка (дизель)	% ВВП	-0,18	-0,07	-0,05	-0,05	-0,06	-0,07
Итоговый эффект от налогового маневра	% ВВП	0,16	0,63	1,06	1,45	1,80	2,14
Розничная цена на бензин	руб. за литр	48,36	48,97	49,58	50,19	50,80	51,41

Источник: рассчитано авторами.

Приложение

В качестве показателя, отражающего состояние экономики НПЗ, рассчитывалось значение «прокси-ВДС»» (условное приближение значения валовой добавленной стоимости), равное разности между стоимостью всех произведенных нефтепродуктов и стоимостью входящей нефти. Расчеты проведены с учетом предпосылок, по которым с 1 июля 2019 г.: 1) соглашение о заморозке цен на оптовом рынке прекратило свое действие; 2) произошла корректировка формулы демпфирующей надбавки для параметров средних оптовых цен реализации на территории Российской Федерации бензина и дизеля, которые снизились с 56 тыс. до 51 тыс. руб./т и с 50 тыс. до 46 тыс. руб./т соответственно; 3) была сохранена доля компенсации нефтяникам в 2019 г. разницы между экспортной и фиксированной ценой бензина и дизельного топлива для сдерживания роста цен на топливо на внутреннем рынке на уровне 60%, для 2021 и 2022 гг. она была повышена до 68 и 65% соответственно[1]; 4) демпфер на авиационное топливо не был введен. Расчеты проводились при фиксированном курсе – 62,93 руб./долл. и цене на нефть – 71,38 долл./барр. и утвержденных в действующем законодательстве параметров экспортных пошлин и акцизных платежей[2]. В качестве примера для расчетов были взяты: Туапсинский НПЗ (ПАО «НК «Роснефть»), Нижегороднефтепереработка (ПАО «НК «ЛУКОЙЛ») и Антипинский НПЗ (независимый НПЗ).

На рис. 1 представлены результаты расчетов «прокси-ВДС» НПЗ при поддержке нефтеперерабатывающей отрасли через ФНБ. Видно, что Нижегородский НПЗ, принадлежащий ЛУКОЙЛ, показывает положительные значения добавленной стоимости (находящиеся выше усредненных минимальных исторических значений, при которых НПЗ продолжал функционировать[3]). «Прокси-ВДС» Туапсинского НПЗ и Антипинского НПЗ находятся в области отрицательных значений (даже с учетом субсидии в виде обратного акциза и демпфирующей надбавки), но не пересекают средний минимум «прокси-ВДС» по группе, т.е. на период проведения налогового реформирования в нефтяной отрасли они продолжают функционировать. Укажем, что, в отличие от Антипинского НПЗ, Туапсинский НПЗ входит в состав ВИНК (ПАО «НК «Роснефть»), т.е. издержки на этапе нефтепереработки могут перераспределяться по всей производственно-сбытовой цепочке: фактическая линия «прокси-ВДС» может лежать и выше указанной для Туапсинского НПЗ. Существенным минусом рассмотренного варианта финансирования выплат по демпфирующей надбавке является выбранный в нем источник финансирования поддержки нефтепереработки, предполагающий его нецелевое использование[4].

---

1 Минфин и Минэнерго договорились о механизме компенсации нефтяникам // Ведомости. 25.06.2019. [https://www.vedomosti.ru/business/news/2019/06/25/805017-minfin-i-minenergo].

2 Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 17.06.2019); Закон РФ от 21.05.1993 № 5003-1 «О таможенном тарифе» (ред. от 01.05.2019).

3 Исторические минимальные значения расчетного показателя прокси-ВДС могут принимать отрицательные значения в основном за счет того, что многие российские НПЗ являются частью вертикально-интегрированных компаний, которые могут перераспределять прибыли и убытки внутри подконтрольных сегментов бизнеса.

4 «Фонд национального благосостояния является частью средств федерального бюджета. Фонд призван стать частью устойчивого механизма пенсионного обеспечения граждан Российской Федерации на длительную перспективу. Целями Фонда национального благосостояния являются обеспечение софинансирования добровольных пенсионных накоплений граждан Российской Федерации и обеспечение сбалансированности (покрытие дефицита) бюджета Пенсионного фонда Российской Федерации». [https://www.minfin.ru/ru/perfomance/nationalwealthfund/mission/]

На рис. 2 и 3 представлены варианты расчета «прокси-ВДС» НПЗ при поддержке нефтеперерабатывающей отрасли за счет демпфирующей надбавки, финансируемой повышением ставки НДПИ в 2020 г. Главное отличие от рассмотренного выше варианта состоит в том, что при повышении НДПИ на нефть нефтяные компании с высокой вероятностью будут стремиться соответствующим образом поднять на внутреннем рынке цены на поставляемую ими нефть, т.е. фактически перекладывать дополнительную налоговую нагрузку на сегмент нефтепереработки (которая, согласно первоначальной логике маневра, должна была стать бенефициаром преобразований). В варианте 2а ВИНКи повышают цены на нефть одинаково для каждого НПЗ, а в варианте 2б с ростом цен сталкиваются только независимые НПЗ[1].

В обоих рассмотренных вариантах значения «прокси-ВДС» независимого Антипинского НПЗ на всем периоде реформирования налоговой системы нефтяной отрасли пересекают отметку среднего минимума «прокси-ВДС» по группе, что фактически говорит о его возможном уходе с рынка, т.е. субсидирование нефтепереработки через нефтедобычу может привести к консолидации отрасли.

Рис. 1. Вариант 1: «прокси-ВДС» НПЗ при поддержке нефтеперерабатывающей отрасли через ФНБ (с учетом субсидии в виде обратного акциза и демпфирующей надбавки)

Рис. 2. Вариант 2а: «прокси-ВДС» НПЗ при поддержке нефтеперерабатывающей отрасли через повышение ставки НДПИ, рост цен на нефтяное сырье одинаков для всех НПЗ отрасли (с учетом субсидии в виде обратного акциза и демпфирующей надбавки)

Рис. 3. Вариант 2б: «прокси-ВДС» НПЗ при поддержке нефтеперерабатывающей отрасли через повышение ставки НДПИ, рост цен на нефтяное сырье только для независимых НПЗ отрасли (с учетом субсидии в виде обратного акциза и демпфирующей надбавки)

1 Авторы понимают, что вариант 2б в полной мере невозможен, так как соответствующие действия ВИНК не должны остаться незамеченными ФАС, однако данный расчет позволяет проиллюстрировать возможные тенденции развития ситуации на рынке.

2. ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ В ЯНВАРЕ-АПРЕЛЕ: ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ РОСТ НЕТОПЛИВНОГО ЭКСПОРТА

А.Кнобель, А.Фиранчук

Восстановительный рост внешней торговли после снижения в 2014–2016 гг. завершился. В первые четыре месяца 2019 г. внешнеторговый оборот был на уровне аналогичного периода прошлого года: экспорт топлива незначительно увеличился (+2,2%), экспорт прочих товаров снизился (–2,4%), импорт остался на уровне соответствующего периода 2018 г. (–0,9%).

Динамика экспорта и импорта

Экспорт в январе-апреле 2019 г. был практически на том же уровне, что и за аналогичный период предыдущего года. В стоимостном выражении он составил 140,2 млрд долл. (105,4% относительно января-апреля 2018 г. и 82,1% от января-апреля 2013 г.). Стабилизировался как экспорт топлива (+2,2% от соответствующего периода 2018 г.), так и экспорт прочих товаров (-2,4%). В стоимостном выражении экспорт топлива составил 91,8 млрд долл., а прочих товаров – 48,4 млрд долл. (*рис. 1*), т.е. доля топлива в совокупном экспорте за первые четыре месяца 2019 г. достигла 65,5%.

Рис. 1. Динамика экспорта России в 2018–2019 гг.

Источник: расчеты авторов на основе данных ФТС.

Рис. 2. Динамика импорта России в 2018–2019 гг.

Источник: расчеты авторов на основе данных ФТС.

2. Внешняя торговля в январе-апреле

Объем российского нетопливного экспорта после преодоления спада 2014–2016 гг. вернулся к докризисному уровню 2013 г., но дальнейшего увеличения не произошло. Таким образом, значительный рост нетопливного экспорта в последние годы носил лишь восстановительный характер, аналогично восстановлению торговли в 2011–2012 гг.

Импорт в январе-апреле 2019 г. также сохранился на уровне предыдущего года, составив 73,2 млрд долл. – 99,1% от января-апреля 2018 г. и 74% от января-апреля 2013 г. (*рис. 2*). Динамика импорта указывает на стабилизацию: среднее изменение объемов импорта (к аналогичному месяцу предыдущего года) за май 2018 – апрель 2019 гг. составило -0,4%.

Структура и объемы экспорта

Структура и объемы экспорта в январе-апреле 2019 г. представлены в *табл. 1*. Показатели экспорта, систематизированные по укрупненным аналитическим товарным группам, выделяемым ФТС (в *табл. 1* отдельно указаны объемы экспорта секретной товарной группы), менялись разнонаправленно: от роста в товарной отрасли «Текстиль» (+12%) до снижения в отрасли «Кожевенное сырье» (-34%).

Таблица 1

Объем и товарная структура экспорта России

Наименование позиции	Объем экспорта за январь-апрель, млн долл.			Изменение объема экспорта за январь-апрель 2019 г. относительно января-апреля 2018 г., %	Доля товарной группы, %
	2013 г.	2018 г.	2019 г.		
Продовольствие и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	4 081	7 364	7 369	0	5,3
Минеральное сырье	122 659	90 873	93 439	3	66,6
Продукция химической промышленности, каучук	9 986	8 413	8 448	0	6,0
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	248	103	69	-34	0,05
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	3 367	4 365	4 293	-2	3,1
Текстиль, текстильные изделия и обувь	215	351	392	12	0,28
Драгоценные металлы и камни и изделия из них	3833	3727	3484	-7	2,5
Металлы и металлоизделия	13 603	14 868	13 548	-9	9,7
Машины, оборудование, транспортные средства (без секретной товарной группы)	6 739	5 923	5 545	-6	4,0
в том числе:					
Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; турбины, двигатели внутреннего сгорания; бытовая техника	2 469	2 357	2 154	-9	1,5
Электрические машины и оборудование, их части	1 336	1 478	1 370	-7	1,0
Железнодорожные транспортные средства и их части; путевое оборудование и устройства для железных дорог	226	349	261	-25	0,2
Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного, и их части	2 122	896	1 173	31	0,8
Суда, лодки и плавучие конструкции	104	316	140	-56	0,1
Инструменты и аппараты оптические	484	526	447	-15	0,3
Другие товары (без секретной товарной группы)	609	794	818	3	0,6
Секретная товарная группа*	3 657	2 840	2 816	-1	2,0
Экспорт – всего	168 621	139 535	140 222	0,5	100

*Секретная товарная группа в основном включает в себя: летательные аппараты и их части, оружие и боеприпасы, танки и прочие боевые транспортные средства. Данная товарная группа в агрегированной статистике ФТС включается в группы «Машины, оборудование, транспортные средства» и «Другие товары».

Источник: расчеты авторов по данным ФТС.

Экспорт большинства товарных отраслей остался на уровне соответствующего периода прошлого года: «Продовольствие и сельскохозяйственное сырье» (+0,1%), «Минеральное сырье» (+2,8%), «Продукция химической промышленности» (+0,4%), «Древесина» (-1,7%), «Прочие товары (без секретной группы)» (+3,0%), секретная товарная группа (-0,9%).

Наиболее высокотехнологичный экспорт относится к товарной отрасли «Машины, оборудование, транспортные средства» (без учета секретных позиций). Вывоз данной продукции снизился на 6,4%.

Цены экспорта

В *табл. 2* приведены данные об изменении цен, физических и стоимостных объемов вывоза основных экспортных товаров.

Стабилизация экспорта ***минерального сырья*** (+2,8%) связана как со стабильными ценами, так и с достаточно устойчивыми объемами вывоза за исключением сжиженного природного газа, который увеличился в 2 раза.

Экспорт ***продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья*** не изменился, несмотря на снижение экспорта пшеницы и меслина (на 19%), связанного с уменьшением физических объемов вывоза (-35%).

Экспорт ***химической продукции*** был разнородным, но в совокупности был получен нейтральный результат. Экспорт минеральных калийных удобрений увеличился (на 38%), в основном за счет увеличения цены, в то же время экспорт смешанных удобрений претерпел незначительное снижение (-3%), вызванное уменьшением физических объемов вывоза.

В целом негативная динамика цен на ***древесную и бумажную продукцию*** вместе с разнонаправленной динамикой физических объемов экспорта привели к незначительному снижению стоимостных объемов вывоза (-1,7%).

Сокращение экспорта ***металлов*** (на 8,9%) связано со снижением цен на основные виды металлов и изделия из них на 5–13%, за исключением чугуна, цена на который осталась на уровне прошлого года. Динамика физических объемов поставок здесь была неоднородной: негативной для черных металлов (-6%) и положительной для основных цветных металлов (от +11 до +22%).

Нетопливный неэнергетический экспорт

В I квартале 2019 г. нетопливный неэнергетический экспорт снизился на 1,6%. Сокращение произошло по большинству составляющих: металлы (-1,9%), химическая промышленность (-5,7%), продовольственные товары (-1,1%). Изменение стоимостных объемов вывоза остальной продукции не превышало 1%. Такая динамика резко отличается от быстрого роста нетопливного неэнергетического экспорта в предыдущие годы, который был вызван положительной динамикой мировых цен на данные товары (в первую очередь на металлы и химическую продукцию)[1] и восстановительной динамикой после резкого падения в 2015–2017 гг.

Обменный курс и импорт

Значительное влияние изменений реального курса рубля к американской валюте на стоимостные долларовые объемы импорта наблюдалось на протяжении многих лет. Отчетливо эта зависимость проявлялась при

1 См. Кнобель А.Ю., Фиранчук А.С., Лаврищева А.А. Внешняя торговля России в 2018 г.: рост несырьевого неэнергетического экспорта // Экономическое развитие России. 2019. № 4. С. 11–19.

Таблица 2

Изменение цен и объемов поставок основных экспортных товаров в январе-апреле 2019 г.

Код ТН ВЭД	Наименование позиции	Цена		Изменение цены, %	Изменение физических объемов, %	Изменение стоимостных объемов, %	Доля в экспорте в январе-апреле 2019 г., %
		январь-апрель 2018 г.	январь-апрель 2019 г.				
Продовольственные товары							
1001	Пшеница и меслин, долл./т	181	223	23	-35	-19	1,3
Топливо							
2701	Уголь каменный, долл./т	80	85	6	14	21	4,2
2709	Нефть сырая, долл./т	462	452	-2	2	0	28
2710	Нефтепродукты, долл./т	477	468	-2	-6	-8	16
2711110000	Газ природный сжиженный, долл./куб. м	133	158	19	108	147	2,6
2711210000	Газ природный, долл./тыс. куб. м	206	222	8	-4	3	12
Химическая продукция							
3102	Удобрения минеральные азотные, долл./т	199	221	11	1	13	0,7
3104	Удобрения минеральные калийные, долл./т	207	253	22	13	38	0,4
3105	Удобрения минеральные смешанные, долл./т	281	310	10	-12	-3	0,8
2814100000	Аммиак безводный, долл./т	270	283	5	3	8	0,3
4002	Каучук синтетический, долл./т	1629	1610	-1	4	3	0,4
Древесина и изделия из нее							
4403	Лесоматериалы необработанные, долл./куб. м	88	76	-14	-12	-24	0,3
4407	Лесоматериалы обработанные, долл./т	240	232	-3	11	7	1,0
4412	Фанера клееная, долл./куб. м	502	449	-10	-1	-11	0,3
4702-4704	Целлюлоза древесная, долл./т	703	563	-20	1	-19	0,3
4801	Бумага газетная, долл./т	483	505	5	20	25	0,2
Металлы и изделия из них							
72	Черные металлы, долл./т	501	461	-8	-6	-13	5
72 (кроме 7201-7204)	Черные металлы (кроме чугуна, ферросплавов, отходов и лома), долл./т	563	502	-11	-6	-16	3
7201	Чугун, долл./т	353	352	0	-21	-22	0,4
7202	Ферросплавы, долл./т	1682	1606	-5	21	16	0,3
7207	Полуфабрикаты из углеродистой стали, долл./т	500	433	-13	-3	-16	1,6
7208-7212	Прокат плоский из углеродистой стали, долл./т	608	564	-7	-13	-19	0,9
7403	Медь рафинированная, долл./т	6859	6163	-10	20	8	1,2
7502	Никель необработанный, долл./т	13404	12321	-8	11	2	0,4
7601	Алюминий необработанный, долл./т	1926	1774	-8	22	12	1,6

Источник: расчеты авторов на основе данных ФТС.

значительных изменениях курса рубля в 2014–2017 гг. (*рис. 3*). Однако в последнее время эта взаимосвязь ослабла. Так в 2018 г. импорт продемонстрировал умеренный рост (к уровню предыдущего года) несмотря на снижение реального курса рубля, а в январе-апреле 2019 г. оставался стабильным при снижении реального курса рубля на 9,1% (к аналогичному периоду предыдущего года).

Рис. 3. Динамика импорта России и реального курса рубля в 2013–2019 гг., в %

Источник: расчеты авторов на основе данных ФТС и Банка России.

3. ИТОГИ САММИТА «БОЛЬШОЙ ДВАДЦАТКИ»: СМЯГЧЕНИЕ РИСКОВ

М.Ларионова

Осакский саммит G20 можно считать успешным. Несмотря на геополитическую напряженность, «двадцатка» согласовала и приняла более ста решений. Их реализация должна способствовать смягчению рисков для устойчивого роста.

Подготовка к четырнадцатому саммиту «группы двадцати» проходила в условиях сохранения старых и появления новых рисков для устойчивого экономического роста: обострение проблемы неравенства; высокий уровень государственной и частной задолженности; сохраняющиеся дисбалансы счетов текущих операций платежного баланса; увеличение антропогенной нагрузки на окружающую среду; эскалация протекционистских мер. Саммит стал новым испытанием способности «большой двадцатки» концентрировать политическую волю для согласования коллективных решений.

Премьер-министр Японии Синдзо Абэ сформулировал в качестве приоритетов председательства: создание международного режима для свободного потока данных с высоким уровнем доверия и «Общества 5.0», построенного на комплексном внедрении цифровых технологий[1]. Интенсивная работа со всеми партнерами была нацелена на то, чтобы «двадцатка», среди прочего, запустила процесс выработки многосторонних правил торговли для цифровой экономики, согласовала решения по реформе ВТО и укреплению многосторонней торговой системы.

Торговля

Резкое увеличение объема торговли, затронутого протекционистскими мерами «большой двадцатки» (*рис. 1*), усиливает риски для устойчивого роста. В контексте новых тарифных ограничений со стороны США и ответных мер КНР, которые, по оценке МВФ, могут стоить мировой экономике 0,5% ВВП в 2020 г.[2], вопросы торговли стали центральными в повестке саммита.

Рис. 1. Динамика объемов торговли, затронутых протекционистскими мерами G20, 2012–2019 гг., млрд долл.

Источник: Report on G20 Trade Measures (mid-October 2018 to mid-May 2019). URL: https://www.wto.org/english/news_e/news19_e/g20_wto_report_june19_e.pdf

Задача-максимум включала согласование решений

1 Toward a New Era of "Hope-Driven Economy": the Prime Minister's Keynote Speech at the World Economic Forum Annual Meeting, 23 January 2019. URL: https://japan.kantei.go.jp/98_abe/statement/201901/_00003.html

2 G-20 Surveillance Note, G-20 Finance Ministers and Central Bank Governors' Meeting June 8–9, 2019, Fukuoka, Japan. URL: https://www.imf.org/external/np/g20/pdf/2019/060519.pdf.

по сдерживанию эскалации протекционизма; восстановлению доверия к международной торговой системе; началу конструктивного диалога в ВТО по преодолению кризиса в Органе по разрешению споров; приданию позитивного импульса переговорам в ВТО по новым инициативам (по электронной торговле, упрощению процедур инвестирования для развития, регулированию в сфере услуг).

В Осакской декларации зафиксировано стремление к созданию свободной, недискриминационной, прозрачной и предсказуемой торгово-инвестиционной среды и сохранению открытости рынков. Лидеры подтвердили поддержку реформе ВТО, включая принятие мер по обеспечению функционирования системы урегулирования споров. Позитивным сигналом для рынков стало перемирие в торговой войне США и Китая.

Цифровая экономика

Увеличение вклада цифровых отраслей в экономический рост (*рис. 2*), усиление конкуренции на глобальном рынке информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) (*рис. 3*), отсутствие согласованных правил

Рис. 2. Вклад добавленной стоимости сектора ИКТ и косвенно связанных с ИКТ отраслей в экономику, 2011 г.

Источник: OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2017. URL: https://doi.org/10.1787/9789264268821-en

Рис. 3. Доля экспорта товаров и услуг ИКТ в общем объеме экспорта в 2006 и 2016 гг., %

Источник: UNCTADStat. URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=15849; G20 Toolkit for Measuring the Digital Economy

электронной торговли предопределили актуальность инициативы Синдзо Абэ по созданию международного режима для свободного потока данных. Впрочем, крайняя степень недоверия между странами, выражающаяся в обвинениях в хакерских атаках, краже интеллектуальной собственности и использовании санкций в отношении компаний-конкурентов, обусловили сложность согласования коллективных подходов стран «двадцатки» к проблемам цифровой экономики.

Декларация лидеров по цифровой экономике анонсировала начало «Осакского трека». Суть этого процесса – диалог об использовании потенциала цифровой экономики для устойчивого роста и поддержка инициативы по выработке многостороннего соглашения по торговым аспектам электронной коммерции в рамках ВТО (сформулирована министрами торговли 78 стран-участниц ВТО в январе 2019 г.)[1]. В Заявлении о предотвращении использования интернета для целей терроризма и насильственного экстремизма главы государств и правительств «группы двадцати» призвали онлайн-платформы к ответственному подходу и активизации усилий по предотвращению потоковой передачи, загрузки или перезагрузки материалов, пропагандирующих терроризм и насильственный экстремизм, ведущий к терроризму[2].

Климат и энергетика

Члены «группы двадцати» являются крупнейшими эмитентами парниковых газов и потребителями энергии (*рис. 4*). Их национальная и международная политика влияет на глобальные тенденции спроса на энергоресурсы и уровень антропогенной нагрузки. Защита окружающей среды и переход на эффективные и устойчивые модели энергопотребления входят в ядро повестки дня «двадцатки» с первых саммитов. Новацией стала совместная встреча министров энергетики и окружающей среды государств-членов «группы двадцати» в Каруидзаве, принявших «Осакскую стратегию для синего океана» и Рамочные основы действий G20 в области морского пластикового мусора, цель которых – сокращение дополнительного загрязнения морей пластиковыми отходами до нулевого уровня к 2050 г.

План действий по борьбе с пластиковым мусором, План действий по адаптации и укреплению надежности инфраструктуры, План действий по внедрению инноваций в сфере энергетики и защиты окружающей среды в целях устойчивого развития, концепция «Сокращение использования, повторное использование, эффективная переработка» (3Rs: Reduce, Reuse and Recycle + Renewable) и инициатива разработки дорожной карты Диалога по ресурсоэффективности были поддержаны всеми членами «двадцатки».

После выхода из Парижского соглашения по климату США объявили о немедленном прекращении выполнения своего текущего вклада, но на саммитах G20 в Гамбурге (2017 г.) и Буэнос-Айресе (2018 г.) подтверждали свою «твердую приверженность подходу, предполагающему одновременное сокращение выбросов, поддержку экономического роста и удовлетворение потребностей в сфере энергетической безопасности»[3]. Поэтому особой

1 Осакская декларация по вопросам цифровой экономики. URL: http://kremlin.ru/supplement/5427

2 Заявление глав государств и правительств «группы двадцати» в Осаке о предотвращении использования интернета для целей терроризма и насильственного экстремизма, ведущего к терроризму. URL: http://kremlin.ru/supplement/5426

3 Коммюнике лидеров G20 по итогам саммита в Гамбурге (Германия), 7–8 июля 2017 г. URL: https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2017hamburg/comm_2017.pdf

Рис. 4. Потребление энергии и выбросы CO2 в атмосферу, 2017 г.

Источник: Статистический ежегодник мировой энергетики 2018. URL: https://yearbook.enerdata.ru/total-energy/world-consumption-statistics.html, https://yearbook.enerdata.ru/co2-fuel-combustion/CO2-emissions-data-from-fuel-combustion.html

интриги относительно позиции США по климату и энергетике не было. В отдельном параграфе декларации был отмечен выход Соединенных Штатов из Парижского соглашения и «решимость способствовать обеспечению экономического роста, энергетической безопасности, доступу к энергии и защите окружающей среды»[1].

Реализация решений по переходу на рациональные модели потребления и производства актуально и для России, осуществляющей национальный проект «Экология». Это относится и к заявлению лидеров о необходимости «обеспечения энергетической безопасности в глобальном масштабе в качестве одного из руководящих принципов, которому мы будем следовать при преобразовании энергетических систем, включая устойчивость, безопасность, развитие инфраструктуры и обеспечение транспортировки энергии, включающей различные источники, поставщиков и маршруты»[2]. Для России вопросы безопасной транспортировки энергии актуальны в контексте строительства «Северного потока-2», «Турецкого потока» и транзита через Украину.

Рамочное соглашение по обеспечению роста

Лидеры G20 обязались координировать меры макроэкономической политики; тщательно выверять и гибко использовать все возможные инструменты денежно-кредитной политики и продолжить структурные реформы для достижения устойчивого, сбалансированного и инклюзивного роста, а также защиты от рисков снижения темпов экономического роста. Завершен пересмотр Правил по установлению лимитов заимствований и Принципов осуществления заимствований на рыночных условиях в рамках МВФ и группы Всемирного банка.

Кроме того, «группа двадцати» одобрила план работы, предложенный ОЭСР и нацеленный на выработку к 2020 г. согласованного подхода к правилам налогообложения в условиях цифровой экономики.

1 Осакская декларация лидеров стран «группы двадцати», параграф 36. URL: http://kremlin.ru/supplement/5425

2 Осакская декларация лидеров стран «группы двадцати», параграф 37. URL: http://kremlin.ru/supplement/5425

Содействие развитию

Осакский актуализированный обзор[1], второй после Гамбургского, принятого в 2017 г., обозначает действия «группы двадцати», способствующие достижению целей Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.[2]. Решения по содействию развитию включают вопросы инвестиций в качественную инфраструктуру, гендерного равенства, здравоохранения, образования, устойчивого сельского хозяйства, окружающей среды, энергетики и индустриализации.

В частности, «двадцатка» подчеркнула приверженность цели обеспечения «всеобщего охвата услугами здравоохранения». Лидеры, среди прочего, подтвердили намерение активизировать усилия для прекращения эпидемий ВИЧ, туберкулеза и малярии. Впервые в декларации отмечена важность предоставления финансовых ресурсов развивающимся странам для смягчения последствий изменения климата и адаптации к ним в соответствии с Парижским соглашением.

1 Osaka Update on the G20 Action Plan on the 2030 Agenda for Sustainable Development. URL: https://www.g20.org/pdf/documents/en/annex_11.pdf

2 Osaka Comprehensive Accountability Report on G20 Development Commitments. URL: https://www.g20.org/pdf/documents/en/annex_13.pdf

4. РАЗВИТИЕ АГРОКООПЕРАЦИИ: ШАБЛОН ВЕДЕТ К ОШИБКАМ

М.Антонова, А.Потапова

В различных регионах РФ создаются центры компетенций в сфере сельскохозяйственной кооперации и поддержки фермеров. Проведенное РАНХиГС исследование показало, что сам механизм создания таких центров и идеология их формирования могут потребовать некоторой корректировки.

Результаты проведенного исследования показывают, что: деятельность центров не всегда ориентирована на те целевые группы сельхозпроизводителей, работа с которыми может дать искомый эффект; финансирование и размещение центров не учитывает территориальный и уже сложившийся потенциал развития сельскохозяйственной кооперации; наконец, многие из тех, кто призваны помогать сельскохозяйственным товаропроизводителям в развитии кооперации, сами нуждаются в дополнительном обучении.

Министерство сельского хозяйства РФ приступило к работе по развитию сельской кооперации и созданию системы поддержки фермеров во исполнение Указа президента от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», а также федерального проекта «Создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации» в рамках нацпроекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Среди ожидаемых результатов – увеличение членской базы сельскохозяйственных потребительских кооперативов (СПоК) до 2024 г. не менее чем на 127,6 тыс. чел., т.е. почти на треть (членская база СПоК на 2017 г. составляла 400,5 тыс. чел.). Одной из мер достижения поставленной цели было создание региональных центров компетенций в сфере сельскохозяйственной кооперации и поддержки фермеров (далее «центры компетенций»). Центры планируется сформировать во всех субъектах РФ с равным финансированием.

Минсельхозом России совместно с АО «Корпорация МСП» для унификации деятельности центров был разработан единый стандарт. В соответствии с ним услуги центров компетенций должны оказываться субъектам малого и среднего предпринимательства в области сельского хозяйства, в том числе крестьянским фермерским хозяйствам, сельскохозяйственным кооперативам и гражданам, ведущим личные подсобные хозяйства на сельских территориях. Предполагается, что они должны быть созданы во всех субъектах РФ. На сегодняшний день работа по созданию центров компетенций ведется в 24 регионах.

При планировании работы по созданию центров в первую очередь необходимо определить, кому нужно помогать в деле кооперации? Кто выступает в роли субъектов деятельности центров компетенций? Где следует помогать кооперации? Как нужно располагать центры по территории страны? Достаточно ли «компетенции» будет в центрах компетенций, чтобы помогать кооперации?

Кому нужно помогать в деле кооперации

Федеральный закон № 209 «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ» определяет субъектом МСП:

- микропредприятия с максимальным количеством работников 15 человек и максимальной годовой выручкой (без НДС) не более 120 млн руб.;
- малые предприятия с максимальным количеством работников 100 человек и максимальной годовой выручкой (без НДС) не более 800 млн руб.;
- средние предприятия с максимальным количеством работников 250 человек и максимальной годовой выручкой (без НДС) не более 2 млрд руб.

Классические подходы к кооперации состоят в том, что: она нужна мелким предприятиям, которые не имеют хорошего консультанта по технологиям; не имеют техники, современного хранилища с функциями мойки, упаковки, доработки или даже переработки продукции; не имеют работника, который объезжает магазины, рынки, стараясь установить контакты с покупателями; не имеют товарной партии и гарантий ее производства, чтобы быть интересными торговым сетям. Кооперация для того и существует, чтобы через создание организации (сельскохозяйственный потребительский кооператив) преодолевать препятствия, встающие на пути мелкого производства.

В рамках национального и федерального проектов предполагается развивать малое и среднее предпринимательство, фермерские хозяйства и хозяйства граждан. На наш взгляд, из состава субъектов, на которые нацелена работа центров компетенций, нужно исключить среднее предпринимательство. Сельскохозяйственные предприятия, выручка которых составляет более 800 млн руб. в год, приобретают средства производства оптом и работают с оптовыми покупателями (торговыми сетями) самостоятельно – для этих целей им, как правило, нет необходимости кооперироваться с другими производителями. Редкое сельхозпредприятие имеет выручку от 800 млн до 2 млрд руб. и 250 работников. Так, в 2016 г. из 19 тыс. сельхозорганизаций к средним по выручке можно было отнести всего 1,8%.

Видимо, не все малые предприятия должны быть объектами работы центров: около половины предприятий, которые можно отнести к малым, являются дочерними агрохолдинговых формирований и сами решают все проблемы продвижения на рынок. Да и хозяйства с числом работников до 100 чел. даже не из числа агрохолдинговых формирований при средней выручке больше 280 млн руб. (данные 2016 г.) вряд ли будут клиентами таких центров. Они традиционно «привязаны» к районным заводам, и для них не представляет интереса кооперация с более мелкими потенциальными членами кооперативов: в кооперативе 1 член – 1 голос. Таким образом, из числа потенциальных заинтересованных в кооперации нужно исключить и малые предприятия – около 37% из 19 тыс. сельхозорганизаций (2016 г.). Потенциально заинтересованными субъектами остаются микропредприятия (в 2016 г. таких хозяйств было более 15 тыс.).

Очевидно, что все фермерские хозяйства, если исключить завуалированные крупные предприятия (по отчетности крестьянских фермерских хозяйств (КФХ), есть одно КФХ со 100 тыс. га пашни и 278 работниками при 1 члене хозяйства) – потенциальные члены сельхозкооперации.

Таким образом, тезис о том, что одной из функций центров компетенций является «проведение работы по вовлечению субъектов МСП в сельскохозяйственные кооперативы» выглядит не совсем корректным или отвечающим сложившимся реалиям рынка. Такими субъектами могут быть не средние и даже не малые, а микропредприятия, КФХ и хозяйства граждан. Именно на них должна быть ориентирована деятельность центров компетенций в сфере кооперации.

Понимание субъекта, на которого направлена деятельность центров компетенций, определяет характер услуг, которые они будут предоставлять.

Где следует помогать кооперации?

В настоящее время центры компетенций создаются в 24 регионах РФ. При этом не учитывается, что на разных территориях – различный потенциал для развития сельскохозяйственной кооперации. В одних регионах такой центр может оказаться невостребованным в связи с недостаточным количеством субъектов, которым нужна кооперация. В других же регионах, напротив, потребуется более одного центра или более крупный центр с филиалами, поскольку имеется крупный, но не реализованный потенциал для кооперации.

Например, в 12 регионах, таких как Саратовская, Волгоградская, Самарская, Ростовская, Омская, Липецкая, Ульяновская, Белгородская, Ярославская области, республики Татарстан, Саха-Якутия и Мордовия – самый высокий потенциал кооперации по России. На это указывает доля произведенного аграрного продукта малыми формами хозяйствования (личными подсобными хозяйствами, КФХ, ИП), т.е. потенциальными кооператорами, в общем региональном производстве сельхозпродукции, а также доля региона в производстве страны. В остальных 12 регионах – Костромская, Нижегородская, Новгородская, Орловская, Тамбовская области, республики Бурятия, Коми, Чувашия, Алтайский и Краснодарский края, Ямало-Ненецкий автономный округ и Кабардино-Балкария – потенциал кооперации присутствует в меньшей мере.

В соответствии с планом мероприятий по реализации федерального проекта центры компетенций в сфере сельскохозяйственной кооперации и поддержки фермеров в субъектах РФ должны были быть определены до 1 июня 2019 г. Однако, если проанализировать данные, доступные в сети Интернет, из всех субъектов РФ (исключая города федерального значения) эту задачу выполнили две трети регионов. По трети регионов официальная информация об определении и создании центров компетенций в сфере сельскохозяйственной кооперации отсутствует (*рис. 1*).

Наличие значительного количества хозяйств граждан еще не говорит о необходимости создания центров компетенций. Необходимо прежде всего выделить товарные хозяйства, так как именно им требуются ресурсы, продажа и повышение доходности. С остальными работу следует сконцентрировать в сфере информации. Так, в Ростовской области, по материалам переписи 2016 г., в хозяйствах граждан производится 77% товарного молока всего региона. В области 50,4 тыс. хозяйств населения, где производится молоко, из них потенциальных

Рис. 1. Информация о создании центров компетенций в сфере сельскохозяйственной кооперации по субъектам РФ на 14.06.2019

Источник: по данным, доступным в сети Интернет.

кооператоров, которые систематически продают молоко, 35,2 тыс. хозяйств. На этот круг хозяйств и следует ориентироваться.

На *рис. 2* видно, что самый большой потенциал кооперации существует в юго-восточных регионах области. На 11 районов области, где в среднем в хозяйстве 4–6 коров, приходится почти 34% всего товарного молока региона. Соответственно там и следует создавать центры компетенции. Необходимо и разное финансирование в зависимости от того, сколько в том или ином регионе потенциальных членов кооперации.

Рис. 2. Распределение хозяйств населения с разным по поголовью числом животных, Ростовская область, 2016 г.

Источник: материалы ВСХП 2016 г.

Достаточно ли «компетенции» будет в центрах компетенций, чтобы помогать кооперации?

Центры компетенций должны – помимо других функций – обучать членов СПоК и сельских жителей основам сельскохозяйственной кооперации, аналитической работы и консалтинговой деятельности.

РАНХиГС провел анкетирование с целью выявления элементарных знаний о кооперативе у сотрудников уже созданных центров компетенций. Было опрошено 77 респондентов из 44 регионов РФ, 54 из которых являются сотрудниками центров компетенций в сфере сельскохозяйственной кооперации и поддержки фермеров, 15 – представителями подразделений региональных министерств, работающих в области сельскохозяйственной кооперации, и 8 – представителями других организаций, имеющих отношение к сельскохозяйственной кооперации (АККОР, Ревсоюз и др.). При правильных ответах респонденты могли получить 100 баллов из 100.

Как следует из *табл. 1*, агрегированная оценка компетенций сотрудников центров компетенций в сфере сельскохозяйственной кооперации не превышает 40%. Иными словами, уровень подготовки специалистов таких центров с точки зрения их главной функции – развития сельскохозяйственной кооперации на селе – в настоящее время недостаточен. Примерно на таком же уровне находится оценка компетенции сотрудников министерств в сфере сельскохозяйственной кооперации (38%).

Таблица 1

Агрегированная оценка компетенций сотрудников центров компетенций, министерств и организаций по регионам РФ на предмет сельскохозяйственной кооперации

Сотрудники подразделений	Агрегированная оценка компетенций сотрудников по регионам РФ, %	Агрегированная самооценка сотрудников по регионам РФ, %
Центры компетенций	40	47
Министерства	38	46
Кооперативные организации	47	56
Все подразделения	40	58

Обучение, которое для них проводит Министерство сельского хозяйства РФ совместно с Корпорацией МСП, должно быть в большей степени нацелено на результат. Как следует из независимого опроса, после второго из четырех курсов обучения, стандартные лекции не дают искомого эффекта. Таким образом, требуется внедрение дополнительных современных форм обучения специалистов центров компетенций.

АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА

Антонова М., ведущий научный сотрудник Центра агропродовольственной политики РАНХиГС

Каукин А., заведующий лабораторией отраслевых рынков и инфраструктуры Института Гайдара, заведующий лабораторией системного анализа отраслевых рынков ИОРИ РАНХиГС

Кнобель А., заведующий лабораторией международной торговли Института Гайдара, директор Центра исследований международной торговли РАНХиГС

Ларионова М., директор Центра исследований международных институтов РАНХиГС

Миллер Е., старший научный сотрудник лаборатории системного анализа отраслевых рынков ИОРИ РАНХиГС

Потапова А., младший научный сотрудник Центра агропродовольственной политики РАНХиГС

Фиранчук А., старший научный сотрудник РАНХиГС